

Одиннадцатого числа седьмого месяца третьего года Сюаньхэ я стал низложенным императором.

С моего восшествия на престол прошло всего три года. Всего три коротких года.

В ту ночь дворцовый переворот случился так тихо и внезапно, что я не успел опомниться. Меня стащили с трона, пока я ещё пребывал во сне, грезил о том дне, когда только взошёл на престол. Тогда я, в роскошном убранстве, на коне, возвращался с победой в город сквозь летящий снег, полный гордости и воодушевления, а горожане выстроились вдоль дороги, чтобы приветствовать меня. Когда я открыл глаза, на руках и ногах уже звенели кандалы, и я оказался заперт в собственных покоях.

Узурпатором был не кто иной, как мой четвёртый брат, Сяо Лань, который всегда жил уединённо, не вмешиваясь в государственные дела. Храмы он посещал чаще, чем дворец, но вместо того, чтобы уйти в монахи, ступил на золотой трон. Сбросив личину святого, он обнажил хищную сущность, разыграв великолепный спектакль. Сначала он постепенно лишил меня власти, затем заключил под стражу и, продержав несколько дней, вынудил отречься от престола под предлогом болезни, дабы передать трон ему «законно».

Я, конечно, не был болен, но у него, естественно, нашлись способы сделать меня таковым.

Он ежедневно присылал людей, чтобы те кормили меня пилюлями, якобы укрепляющими здоровье. Меньше чем за полмесяца моё крепкое тело, привыкшее к верховой езде и стрельбе, стало слабым, подобно иве, гнущейся на ветру. Теперь я даже ходил, опираясь на других.

Человек, который не может ходить без поддержки, разумеется, не годится для трона.

Мой «уважаемый» брат не желал носить клеймо цареубийцы, поэтому я сохранял ценность — должен был жить. Мне надлежало выжить, дабы существовать в качестве низложенного императора, оставаясь темой для пересудов в чаепитиях обывателей, пока он не умрёт.

В двенадцатом месяце третьего года Сюаньхэ я провёл пышную церемонию жертвоприношения Небу, объявив о своём отречении в пользу Сяо Ланя.

В тот день небо затянули тучи, хлопья снега кружили в воздухе. Я, больной, в роскошной пурпурной императорской мантии, как в день коронации, под взглядами всех гражданских и военных чинов взошёл на пылающий алтарь Земли и Злаков и совершил обряд поклонения Небу. После этого я собственноручно снял корону и передал её Сяо Ланю. Я кашлял так сильно, что едва мог стоять, длинные волосы рассыпались по плечам, и вид мой был крайне жалок. Сяо Лань, притворяясь почтительным, с улыбкой в тёмных глазах принял корону. Голос чиновника, зачитывающего указ об отречении, звучал громогласно, звон колоколов и бой барабанов оглушали, но я всё же разобрал слова, которые Сяо Лань сказал мне.

Он сказал: «Сяо Лин, ты больше подходишь на роль канарейки, чем парящего орла».

Едва он произнёс это, как внезапно поднялся шквальный ветер, и моя пурпурная мантия захлопала, словно знамя.

Я понимал, почему Сяо Лань сказал мне это. С детства я был любимцем отца, тогда как Сяо Ланя унижали, и он был никем. В юности, по глупости, я часто издевался над ним. Хотя он был старше меня на девять лет, он никогда не отвечал ни на брань, ни на удары. Я знал, что его ненависть ко мне зрела давно, и это был обдуманый, мстью продиктованный захват. Отец сломал его крылья, и теперь он ломает мои. При моём восшествии на престол он прислал в

подарок дорогую канарейку. Тогда я не понял намёка, но теперь всё стало ясно.

А я-то когда-то верил, что его смиренный, бесстрастный облик был подлинным.

Я устремил взгляд на пылающий огонь алтаря и вспомнил ту ночь переворота, когда людей, запертых в запретном саду, сожгли заживо. Моих доверенных лиц, моих наложниц, а также евнуха Лян Шэна, росшего со мной с детства. Он был мне ближе любой наложницы. Их предсмертные муки вновь возникли перед глазами, выжгли их и проникли в самое сердце, вызвав привкус крови в горле.

Я открыл рот и выплюнул сгусток крови на рукав Сяо Ланя.

Затем, вытерев губы, я усмехнулся: «Сяо Лань, лучше убей меня сейчас, иначе ты горько пожалеешь».

Сяо Лань тоже улыбнулся и приказал стражникам: «Верховный император тяжело болен и не дотянет до конца церемонии. Поскорее отведите его в Павильон Юсы для отдыха». Услышав это обращение, я ощутил горькую насмешку. Мне только-только исполнилось двадцать, я был молод и не имел наследников, а уже стал верховным императором. Павильон Юсы был местом, где императоры Царства Мянь отдыхали от летнего зноя. Отправив меня туда, Сяо Лань желал лишь держать меня под вечным домашним арестом.

Когда меня, полупридерживая, полутаща, стащили с алтаря, я увидел детей Сяо Ланя. В тот день они разом стали принцами и принцессами, и на их ещё детских лицах я, казалось, уже различал грядущие кровавые распри.

Я ненавидел их так же, как ненавидел Сяо Ланя.

Пока я с неприязнью оглядывал их одного за другим, внезапно детский голос окликнул меня.

— Это ты обронил? — спросил он.

Я повернул голову и увидел мальчика, стоящего на ступенях позади. Среди отпрысков Сяо Ланя он был самым тщедушным. На голове — небольшой пучок волос, скреплённый чёрной деревянной шпилькой. Ему, казалось, было всего одиннадцать-двенадцать, но обличем он совсем не походил на Сяо Ланя: высокий нос, глубоко посаженные глаза, радужка с лёгким зеленоватым отливом — явные признаки иноземной крови. Он напомнил мне волчонка, которого я подстрелил в пустыне в шестнадцать лет.

Тот волчонок лежал у моих ног, ещё без когтей и зубов, но уже скалился, пытаясь отомстить за мать, вцепившись в носок моего сапога.

Я поймал его, посадил на цепь и привёз во дворец, но, как ни старался — лаской или угрозой, — не смог сделать из него покорного питомца. Однажды ночью он укусил меня за руку и сбежал. Я часто вспоминал об этом, равно как и о тех жестоких, жадных варварах за границей, что постоянно тревожили наши рубежи. Взойдя на престол, я одержал победу, вернув Заставу Цилян, которую отец когда-то утратил, но это была битва, которую я не забуду до гроба.

А этот Сяо Лань, выходит, породнился с теми варварами.

Ха, ублюдок.

Я хотел рассмеяться, но приступ кашля снова сковал горло, и на губах выступила кровь.

Мальчик приблизился, его зелёные, волчьи глаза пристально уставились мне в лицо. Не глядя под ноги, он споткнулся и рухнул передо мной, но евнух подхватил его. Он поднял голову и протянул руку, держа золотую шёлковую салфетку, что должна была быть у меня в рукаве. От неё исходил тонкий аромат яда.

Я опустил на него взгляд, и в душе шевельнулось насмешливое желание. С презрением вытерев уголки губ, я фыркнул: «Это я жалую тебе. Бери. На неё брызнули воды бессмертных, вдохнёшь — здоровье поправится». Конечно, это была ложь. Салфетка была пропитана моим потом. Я намеренно подарил её отпрыску Сяо Ланя — пусть хоть неудачу на него навлечёт, хоть и не смерть.

Но волчонок действительно сунул салфетку в рукав, будто принял сокровище.

Один из евнухов тихонько подсказал: «Пятый принц, не поблагодаришь ли дядю?»

— Бла... благодарю, дядя, — пробормотал он, голос его звучал грубо, по-варварски, словно он и говорить-то не умел.

Остальные дети Сяо Ланя захихикали. Они явно недолюбливали его.

Волчонок нахмурился, челюсть его напряглась.

Во мне проснулось странное любопытство, словно я вновь увидел того волчонка. Я протянул руку и погладил его по щеке, но окровавленные пальцы нечаянно оставили на его лице несколько полос, похожих на усы, что смотрелось довольно забавно.

Мальчик замер, будто я оказал ему милость, и глаза его загорелись.

Я усмехнулся и, помахав рукой, велел стражникам увести меня.

Позже я узнал, что этот ребёнок — незаконнорождённый сын Сяо Ланя и купленной им танцовщицы-варварки. Плод ошибки, совершённой в пьяном угаре, его позор, и, возможно, даже не его кровный отпрыск. Сяо Лань собирался умертвить дитя ещё в утробе, но в ту ночь грянула гроза, и явилось небесное знамение. Астролог, погадав, сказал, что этот выродок — не что иное, как Звезда Семи Убийств на жизненном пути Сяо Ланя, «звезда, несущая одиночество, преодоление, наказание и смерть; также причина взлётов и падений; в числах ведаёт суровыми карами, специально ведаёт властью, жизнью и смертью». Посему Сяо Лань и оставил ребёнку жизнь, нарекши его Сяо Ду.

Примечание автора: В соответствии с требованиями Цзиньцзян, уточняю: это псевдодядя и племянник. Низложенный император не является сыном семьи Сяо, а сыном верховного жреца, поэтому между ним и Сяо Ду нет кровного родства. Это будет разъяснено далее.

В начале четвёртого года Сюаньхэ Сяо Лань изменил девиз правления на Юньань и официально взошёл на престол.

<http://bllate.org/book/15952/1426237>